

ТРЕХЛАПАЯ

рассказ

Мы должны были во что бы то ни стало пробиться к острову Ледниковому.

Это один из самых далеких и недоступных полярных островов мира.

Когда-то на нем среди голых базальтовых скал нашли кирку и обрывок русского трехцветного флага. Здесь был похоронен один из русских исследователей, неистово стремившийся на Север.

Впоследствии советские люди основали на острове Ледниковом самую дальнюю полярную станцию. Ее сведения были очень ценны для науки о погоде. Однако во время войны станцию пришлось временно закрыть.

В послевоенные годы, когда было запланировано вновь открыть полярную станцию Ледникового, непроходимые льды всегда преграждали путь кораблям.

Потерпев в прошлом году неудачу, наш капитан Борис Ефимович решил теперь во что бы то ни стало доставить на остров персонал станции.

Корабль шел на север. Вокруг белые льдины. Между ними темные пятна, но это не вода, это тоже лед, только молодой. Он похож на хрупкое стекло. Тонкие прозрачные пластины, уступая путь кораблю, напозают одна на другую. В них видны белые блинчики смерзшегося льда и комья снежур — не тающего в воде снега...

О попытке открыть полярную станцию острова Ледникового рассказывали мне в бухте Рубиновой зимовщики.

Одним из главных героев рассказа была собака Гекса.

Гекса по-ненецки «ведьма».

Гексу еще на материке подарил полярникам старый ненец. Он долго извинялся, что у собаки только три ноги. Четвертую ей откусил белый

медведь. Но старик уверял, что у Гексы множество достоинств, что она едва не говорит, а понимает решительно все.

Такая слава установилась за Гексой, и, когда она по своей привычке вертелась у дверей кают-компания, полярники смеясь говорили, что она «подслушивает».

В бухте Рубиновой Гекса неожиданно принесла четверых щенят. Лохматые, они, как шарики, катались по зимовке и были общими любимцами.

Метеоролог Михаил Иванович, грузный, толстый, страдавший одышкой, всегда брал их с собой на метеоплощадку; щенки неслись за ним, дружно лая и охраняя Михаила Ивановича, как он говорил, от белых медведей. Ваня-радист всегда ждал, когда же щенята ворвутся к нему в радиорубку с требованием чего-нибудь вкусного, всегда припасенного Ваней для любимцев.

К весне собаки подросли и превратились в здоровенных, грудастых и лохматых псов. Они носились по берегу и, наученные Гексой, поднимали лай всякий раз, когда любопытная нерпа высовывала из воды голову. Звали охотника с ружьем.

В тот день, когда в кают-компания обсуждался вопрос о досрочном открытии полярной станции Ледникового, Гекса как всегда вертелась около дверей и «подслушивала». На этот раз ей стоило подслушивать и тревожиться. Речь шла о ее сыновьях.

Идти пешком на остров Ледниковый предложил Михаил Иванович. Он рассчитывал запрячь в нарты четырех молодых псов. Люди помогали бы им тащить груз.

— Мы непременно дойдем, а корабль может опять не дойти, — говорил Михаил Иванович.

Начальник станции Лавров удивился:

— Что вы, Михаил Иванович! Сможете ли вы? Ведь двести пятьдесят километров! Потом ваша комплекция... Опять же одышка...

— Ничего, — отвечал Михаил Иванович, вытирая платком свое широкое лицо с недавно отпущенной бородкой. — Молодежи в таком походе нужен старший товарищ. Кому же идти, как не парторгу станции?

— Трудное это дело, — покачал головой старший механик Матвей Сергеевич, человек рассудительный и неторопливый. — Ведь архипелаг... Идти по островам да по проливам. Лед взломаться может. Пурга тоже сильная бывает. Занесет снегом — не откопаешься.

— Чепуха! — усмехнулся второй механик Юрий, долговязый юноша. — Русский флаг на остров Ледниковый люди доставили пешком. А шли они как раз из нашей бухты. Их корабль тут и стоял.

— До острова они дошли, это верно... только похоронили там своего начальника, а нам работать надо, — заметил Матвей Сергеевич.

— Вы можете не ходить! — запальчиво заявил Юрий. — А я вызываюсь идти.

Матвей Сергеевич пожал плечами. Ему не хотелось уходить из бухты Рубиновой. Он строил роторный ветродвигатель взамен сломанного ветряка, и ему очень важно было довести это дело до конца.

Состав группы был утвержден: Михаил Иванович, Юрий, Ваня-радиост — тот самый, который работал когда-то под начальством геолога Гали. Из Москвы пришло разрешение выйти на Ледниковый.

Михаил Иванович сразу же начал готовиться, объявил тренировки. Ежедневно все трое отправлялись на купол ледника, таща за собой груженные нарты, слишком тяжелые для неполной упряжки из четырех молодых псов. Гекса всякий раз добровольно сопровождала экспедицию.

Возвращались на станцию усталые, разбитые. Юрий ворчал:

— Не понимаю, зачем это? Таким ходом мы уже давно дошли бы до острова Ледникового. Я в Москве в лыжных соревнованиях участвовал... смешно! Не всем жир сгонять.

Ваня, застенчивый, голубоглазый, веснушчатый, смущенно отмалчивался, а Михаил Иванович улыбался добродушно, но возражал жестковато:

— Приучаться, ребятки, надо не только к ходьбе, но и к дисциплине. Не выполнить задания мы не имеем права.

На станции сушили сухари и монтировали походную радиостанцию.

Юрий, порывистый, увлекающийся, торопил с выходом. Но Михаил Иванович не спешил. Он требовал, чтобы каждый контакт в

радиостанции пропаивался с той же тщательностью, с какой перед взлетом самолета готовят парашюты.

Только Лавров слышал, как после тренировок стонал по ночам Михаил Иванович.

— Вы хоть груза поменьше возьмите, — говорил ему Лавров. — Лишь бы дойти до Ледникового. А там все найдется. Склады полны.

— Так ли? — качал головой Михаил Иванович, растирая ноющие ноги. — Вы слышали об исчезающих островах? Море подтачивает берег Ледникового. За эти годы строения могли обрушиться.

— Пожалуй... — согласился начальник. — Видно, придется вам брать продукты и на обратный путь. Если складов нет, возвращайтесь.

Наконец Михаил Иванович объявил большой тренировочный поход километров на пятьдесят-сто. Юрий намекал девушкам, что Михаил Иванович только называет этот поход тренировочным, а сам постарается дойти до цели.

Смельчаков провожали все зимовщики бухты Рубиновой.

Была середина апреля, самое солнечное время в Арктике. Полярная ночь кончилась месяц назад. День увеличивался с каждым восходом солнца. Снег и лед сверкали мириадами огней. Только на Рубиновой скале, которая сейчас была темно-серого цвета, не держался снег. Отвесная, она казалась бетонной громадой.

Мужчины обнялись. Девушки — их было трое — расцеловались с Ваней и Юрием. Пример подала Нина.

— Я буду приходить к вам в гости на лыжах! — крикнул Юрий. — Подумаешь, двести пятьдесят километров!

Молодые псы нетерпеливо лаяли в упряжке. Рыжая трехлапая Гекса рвалась с веревки. Шерсть у нее на загровке стояла дыбом.

Вскоре маленькая цепочка растянулась на сверкающем снегу. Впереди двигалась круглая фигура, за ней следом две другие, одна высокая, другая низенькая, потом — четыре совсем маленькие и наконец — нарты, издали напоминающие пятнышко среди белого снега.

Грузный Михаил Иванович, налегая на ляжку, шел первым. Двигались вдоль берега по твердому насту. От солнца на нем сияла

яркая дорожка, как на воде. В проливе возвышались вмерзшие в лед айсберги.

Ослепительный блеск снега опасен. Михаил Иванович боялся снежной слепоты. Он приказал всем надеть темные очки.

Михаил Иванович сразу же взял быстрый темп, словно решил измотать всех на первом же переходе. Юрий, поборов самолюбие, вынужден был дважды напомнить о привале. Михаил Иванович отшучивался и все шел и шел.

Скоро молодые люди перестали замечать и крутые берега и встречные айсберги.

Осталась одна мысль:

«Идти, только идти. Забыть, что тебя окружает, и шагать, шагать... Заметить вдали точку и приближаться к ней. Дышать через каждые три шага — вдох и выдох... И ни о чем больше не думать».

Остановились только раз, пообедать. Разожгли примус.

Потом опять навалились грудью на ляжку, глядя под ноги.

Один лишь Михаил Иванович смотрел вперед, а когда оборачивался к своим спутникам, улыбался. В остальное время лица его не было видно.

Зашло солнце. Заря окрасила небо в нежные оранжевые тона и наконец погасла.

Юрий не выдержал, взмолился:

— Я, конечно, ничего... только ведь организму надо втянуться!

— Вот за тем мыском палатку разобьем. От ветра укроемся, — отозвался Михаил Иванович.

Измученные, с одеревеневшими ногами, забрались люди в спальные мешки.

— Эх, не догадался, — сказал Михаил Иванович. — Надо было последние ночки в мешочках поспать, попривыкли бы.

Ваня и Юрий не ответили. Они спали...

Поднялся Михаил Иванович еще при звездах и разбудил молодых людей.

Юрий с досадой почувствовал, что не может встать.

— Михаил Иванович... я не понимаю. Если это поход к острову — скажите. Я все готов терпеть. Но ради тренировки... это же бессмысленно!

Михаил Иванович не ответил, только серьезно посмотрел на юношу.

Ваня выбрался из мешка, где они спали вдвоем с Юрием. Тому сразу стало холодно... и стыдно. Он тоже вылез. Ноги и спина болели.

— Ни один спортсмен так не тренируется. Вы поверьте мне, — бурчал он.

Опять впряглись в нарты и пошли. Солнце все еще не всходило. Только посветлело небо да потускнели звезды.

Юрий изнемогал. Он был способен к любому мгновенному напряжению сил и действительно участвовал в лыжных соревнованиях на короткие дистанции. Ежедневные тренировки он терпеливо переносил. Но такая нагрузка, как сейчас, казалась ему бесчеловечной. Он понурил голову, до боли кусал губы, но лямку свою натягивал плохо. Ваня замечал это, однако ничего не говорил.

Вдруг Юрий остановил собак и сел на нарты.

— А ведь я больше не могу... — растерянно сознался он, боясь смотреть в лицо Михаилу Ивановичу.

Михаил Иванович сел на нарты рядом с Юрием и сказал мягким, добродушным тоном:

— Видишь ли, паренек... Канат, к примеру, как испытывают? Дают ему нагрузку такую, какую он никогда в работе иметь не должен. Если выдержит канат, — значит, годен. Вот так и мы. Это не только тренировка, это испытание... Лучше сейчас повернуть, чем после... задание не выполнить.

— Я отдохну на станции, — смущенно пробормотал Юрий.

Михаил Иванович повернул назад.

Весь обратный путь, на который понадобилось два дня, Юрий был мрачен. В душе у него происходила серьезная борьба.

Когда уже стало видно Рубиновую скалу, он попросил остановиться и сказал Михаилу Ивановичу:

— Я не струсил, Михаил Иванович, вы не подумайте. Я только обузой не хочу быть... Ведь вам задание выполнять надо, а у меня сил не хватает.

— Вот за это спасибо, парень, — отозвался Михаил Иванович.

В бухте Рубиновой путников встречали радушно, но настороженно.

Снова собрались все полярники.

— Я берусь выполнять работу механика станции, — говорил Юрий, глядя в пол, — берусь закончить роторный ветродвигатель... И потом я еще обязуюсь выполнять любую черную работу. Я буду тренироваться. Может быть, еще раз понадобится пойти. — Говоря это, он внутренне поклялся себе никогда в жизни не стоять больше в таком жалком виде перед товарищами.

— Юра наверняка выдержал бы, дошел... — говорил Михаил Иванович, — но ведь нам рисковать нельзя. Надо выполнить задание. Тренировки все-таки свое сделали. Вот и я животик согнал. Так кто же Юрия заменит? — спросил он, вопросительно глядя на Матвея Сергеевича, старшего механика полярной станции.

Худой, высокий Матвей Сергеевич погладил себя по запавшим небритым щекам и ничего не ответил, только подумал: «Ну, вот и опять механик потребовался! Рожать кому или нарты тащить... все равно механик нужен». Подумал так Матвей Сергеевич потому, что ему не хотелось идти. Он строил на зимовке ветродвигатель знакомой ему замечательной конструкции. Матвей Сергеевич уже все сам рассчитал, пользуясь технической энциклопедией, и уже склепал две железные полубочки.

— Так как же? — обратился к нему Михаил Иванович.

— А когда идти-то надо? — деловито осведомился механик. По лицу Матвея Сергеевича можно было догадаться о его мыслях.

— Дня через два. А то проливы проснутся.

— Стало быть, дело солдатское, — вздохнул Матвей Сергеевич и, позвав Юрия, вышел из дому. Он повел его в мастерскую и долго рассказывал, как сделать ротор, без конца заставляя Юрия повторять все свои советы.

Юрий был готов на все: не только сделать самодельный ветродвигатель — своими руками построить здесь ДнепрогЭС. И оттого, что никто не сказал ему ни слова упрека, было ему еще мучительнее.

Снова провожали полярники товарищей. Но сейчас проводы были какие-то будничные. Юрия не было.

Он ждал зимовщиков за мысом.

Юрий молча крепко пожал всем руки, а Михаила Ивановича обнял, поцеловал и сразу побежал прочь. Михаил Иванович постоял, с улыбкой глядя ему вслед, и зашагал вперед.

— Гляньте, трехлапая! — крикнул Матвей Сергеевич.

Сзади с обрывком веревки на шее бежала Гекса.

Михаил Иванович закричал на нее тоненьким голосом. Она присела на снег. Двинулись дальше. Гекса побежала вприпрыжку. Тогда все остановились.

Ваня и Матвей Сергеевич бросили в собаку несколько снежков. Гекса отбежала подальше и села. В ее повадке было волчье упорство. Псы в упряжке нервничали, лаяли. Михаил Иванович достал с нарт ружье и погрозил собаке. Та продолжала сидеть, закрыв передние лапы хвостом. Михаил Иванович выстрелил в воздух. Гекса спряталась за ропак.

Путники опять двинулись. Собаки не было видно. Наверное, вернулась.

Шли по старому незаметному следу.

Михаил Иванович вел теперь своих спутников медленнее, чем в прошлый раз, переходы делал меньше. Берег силы людей и собак.

Первые дни были особенно тяжелыми. На привалах собаки, измученные, падали в снег, свертывались комочками. Матвей Сергеевич с солдатским проворством разжигал примус. Михаил Иванович, фальшиво напевая, разбивал палатку, а Ваня связывался по радио с бухтой Рубиновой.

Трехлапая все-таки увязалась за ними. Ее уже не прогоняли. Она старательно забегала то вперед, то вбок и принюхивалась.

— Ишь, разведчица, — кивнул Матвей Сергеевич.

— Ну, пусть, — решил Михаил Иванович. — Хоть о медведях предупредит.

На третий день ходьба стала привычным состоянием. Ноги передвигались как бы сами собой. Путники теперь больше смотрели по сторонам.

Путь лежал от острова к острову. Вокруг поднимались крутые, запорошенные снегом скалы с белыми шапками. Нигде ни одного деревца. Ледяной простор, белый и хмурый, как затянутое тучами небо.

— Пустая земля, — говорил Матвей Сергеевич.

— Не скажите, не скажите! — живо откликнулся Михаил Иванович. — Отчего бы здесь каменному угольку не быть? Или вот магнитные аномалии вокруг. Не на железо ли намекают? Я компасом так и не пользуюсь. Врет. Все больше по карте от мыска на мысок норовлю.

Действительно, Михаилу Ивановичу совсем не приходилось пользоваться компасом. Начальник похода так изучил карту архипелага, что шел по островам, как по знакомому двору.

Хорошая погода кончилась. Поднялся встречный ветер. Он дул в лицо, и дышать стало трудно. Ветер выбивал из глаз слезы, упирался в грудь, не давая двигаться вперед, удваивал вес нарт...

Люди шли. Навстречу им летели обжигающие языки белого пламени. Языки эти стелились по насту, взмывали вверх, превращаясь в сплошной пенный поток. Люди шли по нему, как вброд по воде. Собак не было видно. Ногами приходилось нащупывать, куда ступить. Голова кружилась.

Лучше всего было смотреть вдаль, заметить утес, мыс или айсберг, держать курс на него, — тогда головокружение проходило.

Ветер усилился. Он превратился в неистовый вихрь. Началась пурга.

Пришлось остановиться, разбить палатку. Собаки тотчас прилегли к ней. Их занесло снегом, а палатка превратилась в сугроб. Люди и собаки лежали друг подле друга, разделенные тонким полотном. Высунуться наружу было невозможно. Ваня все-таки умудрился развернуть рацию. Сообщил в бухту Рубиновую, что лежат под снегом. Из Рубиновой ответили, что Москва следит за каждым их шагом.

Лежа с Матвеем Сергеевичем в одном спальном мешке, Ваня тихо говорил:

- А что если дом вместе с берегом обрушился, как на Исчезающем?
- Коли так — пойдем обратно.
- Я не трушу... Я просто так, — предупредил Ваня.

Двое суток провели путники в сугробе. Из бухты Рубиновой сообщили прогноз погоды. Пурга должна прекратиться. Решили откапываться. Пока разгребали снег, пурга действительно стихла.

Двинулись дальше. Снова мерно двигались ноги, проплывали мимо снежные утесы, голубые изломы ледников, сползающих сверху грандиозными «ледопадами».

Большая часть пути осталась позади.

Но пурга занесла проливы снегом. Идти по ним было опасно. Под снегом могли оказаться трещины и слабый лед. Михаил Иванович двигался первым, соблюдая все возможные предосторожности. В руке у него был шест, он пробовал шестом, прочен ли лед. Михаил Иванович не без основания считал себя самым тяжелым, весил он сто килограммов. Если лед выдержит его — хорошо. Но нарты были тяжелее.

Вдруг Ваню резко потянуло назад. Он закричал:

— Рация! Рация! — И бросился к провалившимся под лед нартам.

Лед трещал, собаки беспомощно бились.

— Ложись на живот! — пронзительно крикнул Михаил Иванович.

Ваня упал. Матвей Сергеевич и Михаил Иванович поползли к нартам. Ваня тоже пополз.

Собак затачивало под воду.

— Режь постромки! — крикнул Михаил Иванович.

— Рация! Рация! — твердил Ваня. — Подождите...

Рация вместе с задней частью нарт была уже под водой. Ее гибель срывала все предприятие. Рация должна была служить не только в походе, но и на острове Ледниковом.

Гибель нарт означала гибель продовольствия. Люди ухватились за постромки и стали вытаскивать нарты. Но лед трескался. Здесь была наледь. Вода покрыла поверхность льда, потом замерзла тонким,

зеленоватым, похожим на хрупкое стекло ледком. Теперь через полынью и трещины хлынула вода.

— Бросай нарты, отползай, — скомандовал Михаил Иванович.

Но Ваня, извиваясь, как змея, подполз к полынье и опустил руки по самые плечи в ледяную воду. Он нащупал нарты, схватил рацию и, напрягаясь, пытался вытащить ее. Лед трещал под ним и ломался. Матвей Сергеевич ухватил радиста за ноги.

— Тяни! — крикнул тот.

Матвей Сергеевич стал отползать от полыньи, осторожно таща за ноги Ваню. Радист не выпускал из рук рации.

Наконец она оказалась на мокром льду.

Тогда Матвей Сергеевич выхватил финский нож и обрубил постромки. Собаки, обезумевшие от страха, вырвались и выскочили на лед. Нарты исчезли.

Оставляя на запорошенном льду широкий след, люди ползли к берегу.

Из всего груза осталась только испорченная рация.

Ни продовольствия, ни ружья, ни примуса!

Мокрые люди не могли даже согреться.

— Идти, ребятки. Только в этом спасение. Идти, пока не согреемся... своим собственным теплом. Другого выхода нет, — сказал на берегу Михаил Иванович.

— Куда идти? — осведомился Матвей Сергеевич.

— До бухты Рубиновой — двести километров. До острова Ледникового пятьдесят. Продуктов нет, а задание открыть полярную станцию есть.

— Стало быть, на Ледниковый пойдем, — с мрачной серьезностью сказал Матвей Сергеевич, приплясывая, чтобы согреться.

— Но на Ледниковом можно ничего не найти? — вопросительно заметил Михаил Иванович.

— А может, и стоит себе станция, — в такт пляске ответил Матвей Сергеевич.

— Рация подмокла... но я исправлю... на Ледниковом, — стуча зубами, вставил Ваня. — В тундре когда-то не сумел исправить, а теперь сумею...

Собаки вылизывали мокрую шерсть и выкусывали лед между когтями.

Люди шли вперед. Рацию тащили по очереди.

В бухте Рубиновой настали тревожные дни. Никто не знал, что произошло. Москва тревожилась.

Юрий нервничал и настаивал на снаряжении спасательной экспедиции, хотел во что бы то ни стало идти сам. Целыми днями не выходя из рубки, он все выстукивал и выстукивал:

«Ледниковый, где вы? Отвечайте, мы слушаем вас. Ледниковый, где вы? Где вы? Отвечайте, в конце концов, что случилось? Мы слушаем вас. Где вы?»

Слова эти слушала вся Арктика, путники догадывались о том, что их ищут, но ответить не могли. Они шли в обледеневшей одежде днем и ночью.

Вот уже больше двух суток они ничего не ели. На отдых не останавливались, а просто падали в снег...

На последнем привале лежали особенно долго... Опасно долго.

Первым приподнялся и сел Матвей Сергеевич. Он хмуро посмотрел на лежащих в снегу обессиленных спутников, потом на худых собак с торчащей на боках шерстью. Вместе с Гексой четыре пса бывшей упряжки сидели подле людей и смотрели на них голодными глазами.

Матвей Сергеевич достал финский нож, неторопливо снял рукавицу и попробовал большим пальцем левой руки острие. Потом стал подзывать одного из псов.

— А ну, Барбос!.. Поди сюда, собачонок, иди сюда, ходячее продовольствие.

Все собаки вскочили и, виляя хвостами, смотрели на человека.

— Поди, Барбос... Не Барбос, а обоз... Поди сюда... На! Мяса хочешь? — И он сделал рукой движение, словно достает что-то из-за полы.

Ваня приподнялся на локте.

Один пес робко подошел к человеку, униженно виляя хвостом и облизываясь.

Матвей Сергеевич протянул левую руку, схватил пса голыми пальцами за загривок и занес правую руку с ножом.

— Матвей Сергеевич! Да что вы! Что вы! — не своим голосом закричал Ваня, хватая Матвея Сергеевича за руку.

Пес заскулил. Гекса залаяла.

Матвей Сергеевич и Ваня боролись.

— Чего ты? — сердился Матвей Сергеевич. — Нам задание выполнять или нюни разводить? Это ж продовольствие! Два дня не ели. Силы нужны.

Ваня бессмысленно твердил:

— Это же собаки! Это же наши собачки! Они еще нужны будут.

Пес воспользовался промедлением и вырвался. Он отбежал на несколько шагов, но Гекса кинулась на него и стала яростно кусать. Пес завизжал и отбежал подальше.

Гекса прогнала от людей и остальных собак.

Михаил Иванович должен был рассудить Ваню и Матвея Сергеевича. Съесть или не съесть одну из собак?

— А ведь дойдем до острова, они еще какую нам службу сослужат, — сказал Михаил Иванович, просительно глядя на Матвея Сергеевича.

Тот упрямо покачал головой.

— Так и будет, — решительно сказал тогда Михаил Иванович. — Собак не тронем.

Матвей Сергеевич пожал плечами.

Ваня, словно не доверяя товарищу, стал просить у него нож.

— Зачем тебе? — рассердился Матвей Сергеевич. — Что я, дисциплины не знаю?

— Нет, — смутился Ваня. — Я просто так. Ну, дайте нож. Я лед буду сковыривать с проводов.

— Возьми, — с усмешкой сказал Матвей Сергеевич.

Ваня, чтобы оправдать свою просьбу, стал копать омертвевшими пальцами в рации, скалывая ножом лед с проводов.

Внезапно бросив работу, он посмотрел на Матвея Сергеевича:

— Матвей Сергеевич... а лед... лед проводит электричество?

— Нет, — сердито отозвался механик.

— Вот и я тоже об этом подумал, — обрадовано сказал Ваня. Его глаза оживились. — Вот конденсаторы... Они подмочены и потеряли свои изоляционные свойства. А если их взять и просушить... Нет, не просушить, а как следует проморозить? Ведь это все равно, что просушить? А?

— Должно быть, так, — неуверенно сказал Матвей Сергеевич.

— Так что ж ты, братец, медлишь! — закричал обрадованный Михаил Иванович. — Давай пробуй, пробуй...

— Сейчас, — радостно отозвался Ваня.

— Давай сюда свою рацию. Становись на ветер, промораживай ее как следует!

В обледенелой одежде, стоя на пронизывающем ветру, старались люди проморозить и без того обледеневшую станцию.

Потом Ваня дрожащими руками попробовал настроиться.

В наушниках запищало.

Ваня обнимался с Матвеем Сергеевичем, забыв о недавней ссоре. Михаил Иванович торопил Ваню, требуя передать радиogramму.

И в бухте Рубиновой наконец получили эту радиogramму.

«Находимся в двадцати километрах от острова Ледникового. Связь была утеряна из-за подмокшей рации. Нарты провалились под лед. Стремимся выполнить задание...»

Радиogramма эта была получена на третьи сутки после потери связи. Арктика вздохнула облегченно. Не было ни одного полярника, который с тревогой не следил бы за эфиром, не спрашивал бы товарища за тысячи километров, что слышно о «них».

Никто не знал, чего стоило трем полярникам «выполнить задание».

Они уже не шли, а брели, шатаясь, падая и поднимаясь вновь. Из постромок они сделали веревку, и каждый обвязался ею вокруг пояса. Глаза плохо видели. В ушах стоял шум, как будто море вырвалось из-под льдов и билось о скалы.

Собаки бежали за людьми, но не приближались к ним близко. Верно, Гекса не позволяла.

И люди все-таки дошли.

«Поднимаемся на ледник острова Ледникового», — радировали они.

Люди не поднимались на ледник, а заползали на него, лежа на животах, связанные друг с другом постромками. Они ползли, стиснув зубы, зажмурив глаза от напряжения, кусая губы, в кровь раздирая о шершавый наст обмороженные щеки.

И все-таки добрались до вершины!

Надо было идти дальше. Теперь уже было недалеко.

Три шатающиеся фигуры пошли. Собаки в отдалении бежали за ними. Шерсть на их провалившихся боках торчала во все стороны.

Михаил Иванович по-прежнему шел первым, натягивая веревку. В руках он держал палку и не то опирался на нее, не то щупал дорогу, словно был слеп. И вдруг он... исчез...

Ваня дернулся вперед, упал. Матвей Сергеевич с размаху сел и, расставив свои длинные ноги, уперся ими в снег. Рацию, которая была у него в руках, он бросил и ухватился за нее, как за якорь.

Гекса метнулась вперед и стала лаять на провал в снегу.

— Держись, командир! — крикнул Матвей Сергеевич.

Ваня опомнился. Вместе с Матвеем Сергеевичем они стали тащить постромки. Из снега показалось обросшее, обмороженное лицо Михаила Ивановича. Он судорожно хватался руками за снег. Товарищи помогали ему.

— Трещина, ребятки, трещина... — еле проговорил он.

Ваня бросил снежок в провал. Где-то в глубине булькнуло.

Матвей Сергеевич покачал головой.

Трещину предстояло обойти, сделать крюк километра в полтора.

Еще полтора километра?

У людей не было сил. Этот обход стоил им больше, чем последние двадцать километров. Они уже не могли подняться на ноги, они двигались на четвереньках, заползая на этот последний бугор.

А Михаил Иванович говорил своим бодрым тенорком:

— Последний ведь пригорочек, ребятки, последний... Вот сейчас поднимемся и увидим домики полярной станции. И склад там есть, — переходил он почему-то на шепот. — А в складе том: жирные окороки, ребятки, колбасы копченые... консервы, сардинки, шпроты, маслом залитые... Или мясные консервы... Примус есть там, огонь разожгем и такой суп сварим, жирный, горячий... губы обжигать будем...

От этих слов прибавлялись силы. Люди лезли на бугор.

— Вот заползем, — шептал Михаил Иванович, — заползем и сразу увидим...

Люди все-таки заползли. И увидели...

...Все было пустынно и бело кругом. Словно на краю обрыва, поднималась из снега тонкая, согнувшаяся вверху мачта радиостанции. Домов около нее... не было!

Люди лежали на снегу. Они боялись взглянуть друг на друга. Полярной станции не было. Значит, она обвалилась вместе с берегом.

...Юрий, сидя в бухте Рубиновой у приемника, плакал, не стыдясь даже девушек: он принял радиogramму о положении на Ледниковом. Послать помощь было невозможно: проливы вскрылись. Да и собак в бухте Рубиновой не было.

Через шесть месяцев после всего случившегося «Георгий Седов» подходил к Ледниковому.

Вспоминая все, что рассказывали мне в бухте Рубиновой, я в бинокль рассматривал остров.

Раньше всего я увидел тонкую, чуть загнутую вверх мачту, поднимавшуюся над базальтовыми скалами, похожими на крепостные бастионы.

Потом я увидел ледник, к которому хотел подвести корабль капитан.

На леднике стояли три фигуры: одна — большая и толстая, другая — высокая, тонкая и третья — маленькая. Около них на снегу что-то двигалось.

Много позже я разобрал, что это была рыжая собака на трех лапах.

Корабль ткнулся носом в ледник. Люди спрыгнули на лед. Это были полярники, пополнявшие штат полярной станции. Вновь прибывшие тепло приветствовали трех героев, сумевших за полгода до прибытия «Седова» открыть станцию.

Это они дали «Седову» сведения о льдах, это они направили корабль, помогли ему пробраться через непроходимые льды!

Мы крепко жали руки героям, которые искренне удивились бы, если б их в глаза так называли.

Я успел передать радисту Ване привет из далекой тундры. Он смутился, покраснел.

Михаил Иванович поднялся с нами на борт корабля. Сидя в каюте, поглаживая свою отросшую бороду, он рассказывал:

— А ведь все трехлапая, все Гекса наша! — говорил он веселым говорком. — Не будь ее, мы бы погибли. Видим, подбежала она к радиомачте и давай рыть снег... С чего бы это? Пополз я к ней, стал помогать. И докопались мы с ней... до конька крыши. Дом-то был под нами! За шесть лет его так снегом занесло, что и не видно было... Ну, мы и раскопали дом... Хотя раньше мы разыскали дверь склада. Откуда только силы взялись? Открыли дверь, а прямо перед нами — окорок жирный! Я взял у Матвея Сергеевича его финский нож и отхватил самый лучший кусок, — Михаил Иванович улыбнулся. — Матвей Сергеевич дал его Гексе.

Пока Михаил Иванович рассказывал, началась выгрузка продовольствия, грузов и топлива на ледник острова.